

На следующее утро они приехали на рынок ещё до его открытия. Хэ Чжэньшу велел Пэй Чанлиню подождать в повозке, а сам пошёл к управляющему заплатить рыночный сбор.

Рынок в Циншань находился под прямым управлением властей и был куда более лучше, чем небольшой базар в их деревне.

В деревенском местечке всё было проще — сырые и готовые продукты продавались вперемешку, плата за место бралась посуточно и стоила всего пять монет в день. А в Циншане всё делилось строго по категориям: овощи и фрукты, зерно, скот, готовая еда — у каждого свой участок. Изделия ручной работы относились к «разному товару» и в основном сдавались в аренду помесечно.

Разумеется, существовали и посуточные места, но были расположены они неудачно и стоили дороже — пятнадцать монет в день.

За одну только поездку в город, ничего ещё не продав, они уже потратили пятьдесят пять монет.

Хэ Чжэньшу невольно ощутил, как сердце сжимается от жалости к деньгам.

К счастью, они приехали рано, и управляющий помог им выбрать довольно удачное место — в конце улицы, неподалёку от каменного моста. Перейдя мост, можно было попасть к ряду лавок, стоящих вдоль реки; людей там ходило много.

Хэ Чжэньшу не стал просить Пэй Чанлиня помогать. Сам расстелил на земле кусок ткани, разгрузил повозку и аккуратно разложил товар. Два самых красивых зонты он раскрыл и поставил впереди, остальные сложил рядом, горкой. Все бамбуковые корзины и лукошки сложил в угол.

Последние дни шли дожди; прошлой ночью тоже лил дождь без перерыва, и земля до сих пор оставалась влажной. Разложив всё, Хэ Чжэньшу поднял голову и посмотрел на небо.

Было уже не так рано, но по краю небосвода всё ещё клубились тучи, и не было видно ни малейшего признака, что они собираются рассеяться.

Вполне возможно, скоро снова пойдёт дождь.

Говорят: в ясную погоду продают веера, в дождь — зонты,

а значит, пасмурные и дождливые дни — самое подходящее время для торговли зонтами.

Хэ Чжэньшу уже хотел порадоваться этой мысли, но тут вспомнил, что в повозке сидит больной

и слабый Пэй Чанлин. Обернувшись, он сказал:

«Если начнётся дождь, иди посиди в чайной за мостом, не мокни».

С таким хрупким здоровьем стоит ему промокнуть, и пролежит с жаром несколько дней.

Пэй Чанлин даже не поднял головы, лишь негромко ответил «м-м».

Перед выходом он взял ту самую бамбуковую трубку, которую недавно выточил его отец, и теперь резцом что-то вырезал на её поверхности.

Когда он занимался чем-то подобным, то полностью погружался в дело — кто знает, слышал ли он вообще, что ему говорят.

«Пэй Чанлин!» - недовольно окликнул его Хэ Чжэньшу. «Ты вообще слышал, что я тебе сказал?»

Позвав несколько раз — тот лишь медленно поднял голову:

«Что ты говорил?»

Хэ Чжэньшу: «.....»

Молодой парень уже начинал сердиться, но в глазах Пэй Чанлина мелькнула тень улыбки, и он неторопливо произнёс:

«Если пойдёт дождь — пойду в чайную за мостом переждать. Слышал.»

Хэ Чжэньшу: «.....»

Специально!

И от этого стало ещё обиднее.

Хэ Чжэньшу широкими шагами подошёл к повозке и резко выхватил у Пэй Чанлина то, что тот держал в руках:

«Сегодня нам целый день стоять на рынке, береги силы. Никаких поделок!»

Пэй Чанлин молча посмотрел на него:

«.....»

«Что, забрать хочешь? Ну давай, попробуй» - Хэ Чжэньшу поднял руку повыше, брови задорно изогнулись. «Маленький дохляк, думаешь, я с тобой не справлюсь?»

Пока они дурачились возле повозки, к их прилавку подошёл человек:

«Скажите, а чьи это надписи и рисунки на зонте?»

Хэ Чжэньшу поспешно обернулся.

Перед ним стоял мужчина в образе учёного: в светло-голубом длинном халате, сдержанный, аккуратный. Он взял один из раскрытых на прилавке бумажных зонтов, внимательно осмотрел и с восхищением кивнул:

«Прекрасный почерк, замечательная живопись и отличное стихотворение».

Слушая похвалу, Хэ Чжэньшу не проявлял особых эмоций и просто ответил честно:

«Я это сделал».

«Ты?» - учёный поднял глаза, удивлённо моргнул. «Но ведь ты же... шуаньер?»

Даже в богатом Циншань грамотных людей было немного, а уж тем более среди шуаньеров. Учёный был явно поражён, он несколько раз внимательно оглядел Хэ Чжэньшу с головы до ног.

Тот же, не придавая значения его реакции, спокойно спросил:

«Так вы купите?»

«Куплю, - быстро ответил учёный, а потом уточнил, - сколько стоит этот зонт?»

Перед отъездом Пэй Ланьчжи заранее назвала цены: плетёные корзины и лукошки продавались в зависимости от размера — большие по тридцать юаней, маленькие по двадцать.

Что до бумажных зонтов, семья Пэй обычно продавала их на местном рынке по восемьдесят юаней за штуку — цена не менялась ни в дождь, ни в солнечную погоду.

Но в этот раз на зонтах были каллиграфия и рисунки, которые нарисовал Хэ Чжэньшу, и поэтому цену ему разрешили установить самому.

Хэ Чжэньшу немного задумался, но прежде чем он успел ответить, за его спиной Пэй Чанлин спокойно произнёс:

«Триста юаней».

«А?» - опешил Хэ Чжэньшу.

Учёный тоже замер от удивления, нахмурился:

«Так дорого?»

«Нет-нет, он шутит» - поспешил вмешаться Хэ Чжэньшу. «Двести... нет, сто восемьдесят юаней будет достаточно. Каждый зонт отличается рисунком, можете выбрать тот, что понравится».

Учёный недовольно пробормотал:

«Вот это уже ближе к делу» - и присел на корточки, чтобы рассмотреть зонты поближе.

Каждый зонт был расписан Хэ Чжэньшу по-разному: горные пейзажи, цветы, животные — каждая работа была куда красивее той кошки, что он когда-то нарисовал случайно.

Учёный долго разглядывал их, несколько раз перебирал одни и те же зонты, а потом то и дело поднимал глаза и украдкой посматривал на Хэ Чжэньшу.

Пока он выбирал, прилавок превратился в полную неразбериху.

Хэ Чжэньшу ещё держался, но сидевший позади Пэй Чанлин не выдержал первым.

«Ты вообще собираешься покупать?» - он поднялся и подошёл к прилавку, незаметно заслоняя Хэ Чжэньшу собой. «Если не берёшь — не порть вещи».

«Конечно беру!» - поспешно ответил учёный. «Просто... просто...»

Просто выбрать действительно было трудно.

Учёный сам был человеком образованным, и потому с одного взгляда понял, что перед ним — работа мастера.

Каллиграфия текла плавно, как облака и вода, изящная, но не без силы; мазки туши были тонкими и живыми, будто врезались в самую ткань бумаги. А уж стихи...

Он и не подозревал, что в этом маленьком городке может найтись такой талант.

К тому же — молодой, да ещё и шуаньер.

Учёный не удержался и снова взглянул на юношу, но натолкнулся на холодный, недовольный

взгляд.

«...Кхм, ничего, ничего, я просто выбираю» - поспешно сказал ученый.

Хэ Чжэньшу, наоборот, не смутился. Он выглянул из-за спины Пэй Чанлиня и с улыбкой спросил:

«Может я помогу вам выбрать? Вы для себя берёте или хотите подарить кому-то?»

Учёный не ожидал такого прямого вопроса, а улыбка юноши будто ослепила его. Кончики ушей вспыхнули:

«Я... я подарю. Да, подарю».

Хэ Чжэньшу чуть подумал и вытащил один зонт:

«Как вам этот — с парными лотосами? Символ единого сердца и корней, вечного единства. Отличный подарок для любимого человека».

«Но у меня нет...» - начал было возражать учёный. Встретившись с искренним, серьёзным взглядом Хэ Чжэньшу, смутился и поспешно сказал: «Ладно... возьму этот. Спасибо».

Он быстро расплатился, затем, покраснев, бросил ещё один взгляд на юношу и, держа зонт в руках, поспешил уйти.

Пэй Чанлин: «...»

Хэ Чжэньшу убрал деньги, наклонился, чтобы поправить разбросанные вещи на прилавке, но почувствовал, как кто-то мягко потянул его за рукав.

«Я сам» - негромко сказал Пэй Чанлинь. «А ты иди, отдохни».

«А?» - Хэ Чжэньшу удивился.

Этот больной парень, который задыхался после пары шагов, ещё смеет отправлять его отдыхать?

Хэ Чжэньшу поднял глаза на него — на лице Пэй Чанлиня всё ещё оставалась тень раздражения, взгляд был холоден и устремлён в сторону, куда ушёл тот учёный.

Хэ Чжэньшу тихо усмехнулся. Всё понял.

«Ладно уж, знаю, ты за меня злишься» - беззаботно сказал он, вставая. «Но ведь торговля — это и есть дело публичное. Как можно продавать, если не показываться людям?»

В те времена многие считали, что женщинам и шуаньерам не следует появляться на людях, потому что они не могли заниматься многими ремёслами.

В деревнях, где каждая семья жила трудом, ещё можно было увидеть, как женщины или шуаньеры несут на рынок овощи или дрова, чтобы продать, — но стоило попасть в город побольше, и там за прилавками были почти одни мужчины. Даже женщин редко увидишь, не говоря уже о шуаньерах.

Так что неудивительно, что на него смотрели.

Но Хэ Чжэньшу с детства любил гулять по улицам, бывал среди учёных и поэтов, поэтому привык к вниманию и не стеснялся чужих взглядов, поэтому совершенно не понимал, что в этом такого.

Пэй Чанлин покачал головой:

«Я не о том...»

Он хотел было объяснить, но, встретившись с чистым, наивным взглядом молодого супруга, только замолчал и мягко выдохнул:

«Ладно, ничего».

Он уже привык к этой непроницательности Хэ Чжэньшу.

Только он один мог подумать, что тот учёный удивлялся просто потому, что увидел шуаньера за торговлей.

А ведь тот буквально пожирал его глазами.

Глупец.

Сердце Пэй Чанлина сжалось от непонятого раздражения, и он, не говоря больше ни слова, отвернулся и поднялся в телегу.

«Вот видишь, я же говорил, я сам справлюсь. А ты отдыхай» - с довольным видом сказал Хэ Чжэньшу. «И вообще, - добавил он с укором, - зачем ты назвал такую цену? С тремя сотнями монет никто бы не купил!»

Пэй Чанлин спокойно уселся спереди повозки и ответил:

«Если бы ты тогда сказал триста, он всё равно купил бы».

Учёные, как правило, людьми хозяйственными не бывают — тратят деньги куда легче простых людей. А тот ещё и одет был с шиком, видно, семья не бедная. Судя по его реакции, будь он хоть немного побогаче, мог бы весь прилавок выкупить.

«С этим не поспоришь, - согласился Хэ Чжэньшу, - но ведь не каждый покупатель приходит ради надписи или рисунка».

Большинство берут масляные зонты ради пользы: как бы красиво он ни был расписан, по сути это просто зонт, чтобы от дождя да ветра укрыться.

Он ещё накануне всё разузнал: в Циншань масляный зонт стоит примерно сто монет.

Цена, что назвал Пэй Чанлин, в три раза выше рыночной!

Пэй Чанлин нахмурился:

«Если бы я сам мог расписать зонт так, как ты, меньше чем за пятьсот монет не продавал бы».

Хэ Чжэньшу: «...»

Он прекрасно знал, что тот и вправду способен на подобное.

Когда-то Пэй Чанлин вырезал из дерева маленького кролика, размером с ладонь, и упрямо поставил цену пятьсот монет. В итоге фигурка так и простояла на полке полгода, и не продалась. И до сих пор стоит у него в комнате.

Хотя, по правде говоря, работа была изумительная — цена, может, и оправдана, но...

Всё же позволять Пэй Чанлиню устанавливать цены — явная ошибка.

Хэ Чжэньшу тяжело вздохнул, аккуратно разложил товар на прилавке, а потом обернулся. Пэй Чанлин, неизвестно когда, снова успел достать тот самый бамбуковый тубус и резец, и теперь спокойно сидел спереди повозки, ровно и сосредоточенно вырезая узор.

«Когда ты успел его обратно забрать?» - удивлённо спросил Хэ Чжэньшу.

Хэ Чжэньшу уже хотел отобрать у него резец, но Пэй Чанлин даже не попытался увернуться.

Прежде чем тот успел дотянуться, спокойно произнёс:

«Не трогай». Он срезал тонкую стружку с бамбука и тем же ровным тоном добавил: «Когда закончу, эта вещь будет стоить не меньше семисот монет. Если испортишь — ты сможешь возместить?»

Рука Хэ Чжэньшу тут же застыла в воздухе.

Он тут же сник:

«Т-тогда... лучше я не буду» - пробормотал он и послушно вернулся к прилавку.

Он и не заметил, как у Пэй Чанлина слегка опустились ресницы, а на губах появилась лёгкая, почти незаметная улыбка.

Такой доверчивый... настоящий маленький глупыш.

<http://bllate.org/book/14476/1280774>